

В.Н. ЩЕРБИНА

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: КОНФЛИКТ В ОБЩЕСТВЕ ИЛИ ОБЩЕСТВО В КОНФЛИКТЕ?

***Аннотация:** В статье рассматривается диалог культур как фактор формирования конкретно-исторических перспектив современных обществ. Автор анализирует, как системы социокультурного воспроизводства проходят все более драматические стадии кризиса собственной формальной институциональной основы. В этом контексте диалог культур становится все более фундаментальной потребностью для выживания человечества. Сделан вывод, что, несмотря на то, что диалогичность в условиях текущих исторических событий не рассматривается как условие и инструмент урегулирования множащихся конфликтов, исторически эта повестка становится все более актуальной. Господствующая социокультурная модель обустройства глобального сообщества, основанная на противопоставлении «общества коллективизма» и «общества индивидуализма», переживает кризис и разрушается.*

На фоне этого социокультурные интеграционные механизмы нелиберального универсализма теряют свою актуальность и действенность, становясь объектом критического переосмысления во многих странах. Автор делает вывод, что цивилизационный период «обществ пост-модерна», предполагавший актуальность, возможность и эффективность симулятивных социокультурных практик, подошел к историческому завершению. Принцип реальности становится доминирующим в формировании ценностей, целей и норм, которыми живут общества. На примере кризиса в Украине показано, что в повестке умиротворения может формироваться широкий общественный диалог и на его основе будут возникать новые механизмы интеграции социокультурного пространства, где диалог культур становится фундаментальным социальным институтом гармонизации социальных сред.

Щербина Виктор Николаевич — доктор социологических наук, профессор, главный советник директора Института стратегических исследований «Новая Украина» (Украина, Киев).
E-mail: s-vn@mail.ru.

An annotation. The author examines the dialogue of cultures as a factor in shaping concrete-historical prospects of modern societies. He considers how systems of sociocultural reproduction pass through the more dramatic phases of crisis in their formal institutional basis. In this context the dialogue of cultures becomes increasingly fundamental necessity for survival of the humanity. The conclusion is made that, in spite of the fact that dialogue is not taken as condition and means of settlement of multiple conflicts in context of current historical events, that agenda becomes historically the more urgent. The dominant sociocultural model of global community building based on the opposition of “society of collectivism” and “society of individualism” is now in crisis and collapse.

Against this background, the sociocultural integration mechanisms of neoliberal universalism lose their relevance and efficiency and become the subject of critical rethinking in many countries. The author concludes that the civilizational period of “post-modern societies” that implied relevance, possibility and efficiency of simulative sociocultural practices came to its end. The principle of reality becomes prevalent in shaping values, goals and norms by which societies live. The example of crisis in Ukraine shows that the agenda of pacification may include a wide public dialogue and that this may serve as a base for new mechanisms of integration of sociocultural space, where the dialogue of cultures becomes the fundamental social institution for harmonization of social environments and milieus.

Ключевые слова: диалог, человек, культура, социум, институты, жизненный мир.

Keywords: dialogue, man, culture, society, institutes, vital world.

Диалог культур наряду с теоретическим измерением имеет конкретно-историческую выраженность в современных обществах. 2016 год ознаменовался ростом противоречий в социокультурном пространстве каждой страны и мира в целом, поскольку еще больше проявилась неспособность разрешения проблем в рамках сложившейся системы институтов как национального, так и наднационального уровней.

Системы социокультурного воспроизводства проходят все более драматические стадии кризиса собственной формальной институциональной основы и диалог культур становится все более фундаментальной потребностью для выживания человечества. В драмах расколов и взаимной нетерпимости проявилось, что имеющаяся инфраструктура социальных, культурных объектов, среда создания, накопления, сохранения, и развития социокультурных отношений, знаний, умений, ценностей, норм, форм общения — все это не удовлетворяет потребности живущих в них людей. Диалогичность в этих условиях не рассматривается как условие и инструмент урегулирования мно-

жащихся конфликтов, однако исторически эта повестка становится все более актуальной.

Развитие индустриальных обществ вывело производство и технологии на первый план общественных ценностей, и при изменении этой основы начинает меняться вся социальная структура. Урбанизация, возрастающая социальная мобильность сближает, а чаще просто сталкивает жизненные стандарты различных социальных групп, социальное расслоение между элитой и «остальными» возрастает. Обратной стороной этого становится социокультурное напряжение в обществе. Формируются многонациональные государства, в которых механизмы диалогичности выполняют роль фундаментального социообразующего фактора.

Мигранты уже давно сделали многие государства многонациональными, но лишь в 2016 г. во множестве стран мира наступил период социокультурной реакции и национализм обозначился в виде актуальной политической повестки. В условиях мировой рыночной экономики некоторые страны (особенно развивающиеся аграрного типа) теряют свою идентичность, чувствуют себя отсталыми и неконкурентоспособными, потерявшими перспективу — это характерно и для современной Украины.

В 2016 г. поиски альтернатив этому во многих странах вышли в фазу политического противопоставления, но противостояние как таковое еще не проявилось в полной мере, кризис не вошел в фазу разрешения. В историческом противоборстве капитализм как социокультурная форма победил коммунизм, ценности либерально-индивидуалистического типа стали доминирующими в жизни подавляющего числа современных обществ. Социокультурные утопии в том виде, как они оформились в XX в., которые были актуальны и действенны в ситуации актуальной борьбы носителей различных перспектив развития цивилизации, утратили свою актуальность и становятся достоянием истории. Но идеи не умирают.

Тезис о «конце истории» возвращается в виде проблемы необходимости её начала — возникновения новых социокультурных форм жизни человечества XXI в. Господствующая конкретная социокультурная модель обустройства глобального сообщества, основанная на противопоставлении «общества коллективизма» и «общества индивидуализма» сегодня переживает кризис и разрушается. В мире растет осознание несправедливости современного мироустройства и необходимости формирования новых утопий. С другой стороны, растет стремление вернуться к разделенному на «добро» и «зло» мироустройству и на основе этого удержать изживающие себя формы общественной жизни как единственную имеющуюся освоенную её основу.

В ситуации нарастающего осознания фундаментальной неопределенности будущего разные страны формируют утопии в присущей им исторической традиции – происходит переосмысление национальных историй, ревитализация норм, ценностей, традиций, национальных идеологий. На фоне этого социокультурные интеграционные механизмы неолберального универсализма теряют свою актуальность и действенность, становясь объектом критического переосмысления во многих странах.

Доминировавший на протяжении последних десятилетий универсалистский образ единого «пост-исторического» мира утратил не только свою привлекательность, но и институциональную поддержку в ведущих странах мира. Он превратился в предмет практик критического реконструирования национальных и региональных социокультурных процессов. США стоят на пути перехода к образу «индустриального национального капитализма», Россия – на пути перехода к собственному образу капитализма, Китай – на пути этатистского индустриального госкапитализма, на Ближнем востоке развивается образ теократического этатизма.

Украина в этом процессе выглядит как дезориентированное общество, в котором калейдоскопически сочетаются фрагменты социокультурных практик разного типа и цивилизационного уровня. Специфика «рефлексивного класса» Украины и состояние коммуникативной среды привели к тому, что воспринимаемая многими как более высокая степень свободы неопределенность социокультурной перспективы украинского общества служит благодатной почвой растущих внутренних напряжений. Разрешать их правящий класс пытается путем развития бюрократической механики в социокультурной сфере – принятием законов и постановлений, вынесением судебных решений. Возникли и развиваются практики применения прямого насилия в качестве инструмента социокультурного конструирования.

Во всех странах мира продолжается концентрация населения и производства – усиливается урбанистический сегмент, которому все больше начинает противостоять «опустыненная периферия», продуцирующая свои социокультурные формы, одной из которых стала идеология ИГИЛ. Деиндустриализация и сложившийся демографический тренд Украины (вымирание населения, трудовая и социальная миграция) ориентируют украинское общество в направлении этой периферии.

Глобальный процесс такой дифференциации актуализирует необходимость выработки новых механизмов интеграции обществ – культурных кодов, регуляторов массовой коммуникации и общения. Высоко урбанизированное общество, в котором основная часть национального дохода тратится на производство средств информации и человека, а не

на средства физического существования, остается общепринятым, но достаточно абстрактным глобальным идеалом. Развитие многообразия культур, саморазвития человека — характерные черты нового тренда, не находящие пока внятного воплощения в социокультурных практиках. Этому идеалу противопоставляется образ локального общества, мобилизованного на национально-этнической или религиозно-фундаменталистской идеологии.

Цивилизационный период «обществ постмодерна», предполагавший актуальность, возможность и эффективность симулятивных социокультурных практик, подошел к историческому завершению. Пользуясь терминологией Ги Дебора, можно сказать, что «спектаклизация» современных обществ достигла своего предела в сегодняшней форме и необходим новый «театр», который еще предстоит построить, как-то договорившись об этом.

Киберкоммуникативная среда глобального оцифрованного общества видится как один из вариантов сцены разыгрывания будущих социальных драм — но это еще не ставший, возможный, мир. Принцип реальности становится доминирующим в формировании ценностей, целей и норм, которыми живут общества. В число общемировых трендов социокультурных изменений 2016 года входят также продолжение кризиса социокультурных моделей периода неоглобализма, отход от практик мультикультурализма, рост интереса к национальным культурам, интерес к реидеологизации — при том, что характер этого интереса неоднозначен.

Специфика социокультурных процессов в Украине складывается в ситуации продолжающегося вооруженного конфликта на востоке страны, катастрофического спада в индустриальном сегменте экономики и кризиса ЕС как пространства «цивилизационного выбора». При этом диалогичность как парадигма отношений в публичном дискурсе окрашивается в негативные тона, что значительно влияет на перспективы дальнейшего конфликта.

В перспективе утвердившегося в качестве основы государственного строительства идеологического видения актуальные социокультурные противоречия в обществе (формировавшиеся 25 лет, а то и более), воспринимаются исключительно как политические, вызванные актуальным конфликтом на востоке страны. Информационное пространство на протяжении года диверсифицировалось, возникло множество повесток, которые отражают социальные процессы узко, фрагментированно, но с точки зрения различных перспектив искусственно объединенных одним политическим брендом «единой Украины».

В динамике социокультурных трансформаций особенно сказывается неопределенность европейского вектора трансформации общества —

этот вектор выступал системообразующим относительно реформ в социокультурной сфере. Возник шок отсутствия перспективы системных изменений в желаемом направлении. Так, заместитель министра Украины по евроинтеграции Елена Зеркаль заявила в интервью изданию *The Financial Times*, что действия Евросоюза воспринимаются «как предательство». «Это является проверкой Евросоюза на надежность... Сейчас я не очень дипломатична», – отметила Зеркаль, и указала, что украинцы чувствуют «тайный сговор» и не доверяют Брюсселю. Как подчеркивает *The Financial Times*, граждане Украины испытывают сильное раздражение от роста тарифов, и требуют от Европы «выполнять обещания», напоминая по «цену», которую они заплатили за приверженность «европейским ценностям».

В более широком смысле украинское общество на протяжении 2016 года переживает настоящий футурошок. Образ будущего Украины как экономически развитого индустриально развитого общества с эффективной системой социальной защиты и современной культурой становится все более сомнительным. Как средство выхода из кризиса представляются реформы, направленные на изменение правил, по которым действуют институты – притом, что новые правила неоднозначно воспринимаются расколотыми профессиональными сообществами.

В 2016 году продолжалось разрушение пространства внутреннего диалога в обществе. Государственные чиновники либо не реагировали на конфликты в сфере культурной идентичности, либо даже сами инициировали их. Расширился процесс десакрализации публичного пространства, связанного с предыдущим образом Украины как индустриальной социально ориентированной страны. К примеру, в соответствии с требованиями закона Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики», в стране были переименованы 1012 населенных пунктов. При этом мнение самого населения очень часто не принималось во внимание должным образом.

Особую роль в дифференциации общественных настроений сыграло невыполнение Минских соглашений. Их повестка использовалась как рамка формирования различного социокультурного контекста, в результате чего сформировались два фокуса общественной интеграции. В рамках одного фокуса сформировалась перспектива развития общества в конфликте путем стремления к военной победе над «сепаратистами», в рамках другой – перспектива урегулирования конфликта в обществе путем политической нормализации и конституционных реформ. Одна перспектива видится как трансформация общества в мобилизованное и воюющее. Другая перспектива – как выход из конфликта, национальное при-

мирение путем перехода к другой политической системе. Символические средства, языки описания в этих видениях общественных процессов различаются порой до противоположности.

Это противоречие развивалось в 2016 г. до открытого противостояния в экспертных средах и части населения, вовлеченного в конфликт. Поскольку ни та, ни другая перспективы не реализовались, возникла усталость от войны и неразрешимости конфликта, актуализировало расслоение общества на сторонников мира (поднимающих повестку множественности социокультурного пространства Украины), необходимость развития диалога со всеми соседями и сохранение исторического наследия, и сторонников войны (углубляющих этнонациональную тематику «Украина для украинцев», «Украина анти-Россия»).

Развитие в публичном пространстве повестки «Украина в кольце врагов» актуализировало стремление многих выйти из этой ситуации, содействовало развитию тенденций к культурной автономии регионов. На этом фоне произошло усиление регионального и общенационального культурного влияния Польши, регионального влияния соседних стран — Румынии, Венгрии, Словакии.

Исторически характерными чертами социокультурного процесса в Украине стали расширение рамок массовой культуры; коммерциализация культуры; падение престижа социокультурной деятельности; снижение общего уровня культуры населения, в том числе и правящих кругов. Все это формирует соответствующий запрос и влияет на видение культурной политики властью.

Государственная культурная политика задает содержательную основу, критерии и смысл взаимодействия государства и социума, тем самым напрямую влияя на различные сферы жизни общества. Критерии общественной пользы и вреда обычно трактуются субъективно, в рамках этногенетического представления об обществе, поэтому необходимо, как минимум, чтобы государственная культурная политика не нарушала законы, принятые в государстве. В противном случае отношения в обществе выходят за рамки политико-правовой основы и начинают регулироваться традицией (точнее, представлениями о ней — ведь ныне живущие не жили в традиционном обществе) или трайбалистскими нормами, а затем, как результат, само общество впадает в состояние «вторичной дикости».

Одним из проявлений такой тенденции стало заявление Министра культуры Е. Нищука о генетической неполноценности части жителей Украины, сделанное им в эфире национального телеканала ICTV на миллионную аудиторию страны. По мнению государственного чиновника, (по определению выражающего государственную точку зрения), в горо-

дах Юго-Восточной Украины часть населения является «завезенной», вследствие чего украинская культура там продвигается медленно. «Ситуация, сложившаяся на востоке и юге, — пропасть сознания. Более того, когда мы говорили о генетике в Запорожье, на Донбассе, то это города завезенные. Нет там генетики, это сознательно завезенные города. Черкассы — славный гетманский и Шевченковский край. Сам город Черкассы наполовину завезенный. Почему? Потому что боялись шевченковского духа. Это была технология Советского Союза», — заявил министр (см. прим. 1).

Министр позже заявил, что его слова были вырваны из контекста, еще позже принес извинения. Однако вольная или невольная провокация сработала — среди интеллигенции нашлось много сторонников именно такой постановки вопроса. «Думаете, почему настолько негативно воспринимается украинизация на значительной части территорий? Как раз поэтому: для потомков завезённых неукраинцев это действительно “жесткая” украинизация, хотя украинцы искренне считают её крайне мягкой» — утверждает в интернет-издании «политолог и независимый эксперт» Алексей Глобуцкий (см. прим. 2.) Под предлогом войны проводится политика выдавливания собственно русской культуры как одного из исторических социокультурных оснований нынешнего украинского общества.

Такая политическая платформа деятельности власти не отражает и не охватывает специфики реальных социокультурных процессов. Вытеснение идеологически нежелательных культурных потребностей и практик за рамки осуществляемых политик ведет к сужению их эффективности и неконтролируемости неструктурированных массовидных социокультурных процессов.

Несмотря на конфликт и такую культурную политику, результаты опроса, проведенного украинским Центром Разумкова в конце 2016г., позволяют утверждать, что более половины украинских граждан считают россиян братским народом. Так считают 51,1% опрошенных, 33,8% опрошенных так не считают и 15,2% респондентов затруднились ответить на вопрос». Результаты проведенного опроса зависят от региона — на востоке страны россиян считают братьями 87,1%, на юге — 60,5%, в Центральном регионе — 41,2%, а самый низкий показатель — на западе Украины, лишь 28%.

Об уровне проблемы реального социокультурного раскола страны говорит и то, что 1 декабря президент Украины подписал Указ «О приоритетных мерах относительно содействию укрепления национального единства и консолидации украинского общества, поддержки инициатив общественности в этой сфере». Указ издан в день 25-й годовщины референдума о независимости Украины, правительству поручено разработать

в трехмесячный срок и утвердить план мероприятий по укреплению национального единства, консолидации украинского общества и поддержке инициатив общественности в этой сфере.

П. Сорокин отмечал, что социальные изменения в обществе связаны с макропроцессами в социокультурных системах. Социальные изменения в любой сфере происходят в определенном количественном и качественном направлении, пока не будет достигнута «точка насыщения», затем изменения идут по инерции. Исчерпав потенциал экономических, политических, моральных ценностей, система начинает обратное движение. При этом она не повторяет прежние стадии, а приобретает новое содержание и формы, но на принципах, лежащих в основе конкретных стадий.

Таким образом, происходит замена одной социокультурной системы другой, альтернативной, которая затем под влиянием новых ценностных ориентаций людей, начинает движение в другом направлении до «точки насыщения», затем все повторяется. Современные социокультурные изменения становятся все более разноплановыми, они то затухают, то ускоряются, резко меняют свою направленность. Украина как часть современного мира подходит к очередной «точке насыщения» – происходит смена поколений, исчерпан ресурс образа общества, которым оно жило предыдущих 25 лет, налицо кризис институциональных основ. Перспективные тренды социокультурных изменений зависят от ближайших геополитических и геоэкономических перемен характера и способов развития конфликта на Донбассе.

Можно предположить, что в 2017-2018 гг. будет достигнута «точка насыщения» и определится характер обратного движения к структурированию общества в рамках новой социокультурной формы. В повестке умиротворения может формироваться широкий общественный диалог и на его основе будут возникать новые механизмы интеграции социокультурного пространства. Возникнут новые интерпретации событий предшествующего двухлетнего периода, сформируется процесс объединения страны на уровне базовых социокультурных потребностей различных групп населения. Если же повестка войны не будет преодолена, то в социокультурной сфере может закрепиться и нарастать тренд на дальнейший рост противопоставления различных категорий населения, требующий жесткой государственной политики, которая будет легитимироваться идеологией радикального национализма. Поскольку тренд перехода к националистическим повесткам обозначен и в глобальном пространстве, этот вариант развития страны видится некоторыми политиками как такой, что также будет находить свою поддержку среди новых политических сил Европы.

Однако увеличение многообразия общества не зависит от идеологических предпочтений составляющих его граждан, какие бы государственные должности они не занимали и к каким бы политическим взглядам они не придерживались. Этот процесс связан с ростом многообразия видов деятельности в производстве и потреблении, укорененных в росте международного разделения труда как независимом от национального сообщества процессе. И в этой глобальной реальности «общество конфликта» не находит места, а диалог культур становится фундаментальным социальным институтом гармонизации как локальной, так и надлокальной социальной среды.

Поэтому можно с осторожным оптимизмом говорить о том, что социокультурный кризис в Украине будет развиваться в направлении формирования новых диалогичных механизмов преодоления конфликтов в обществе, а не в направлении формирования Украины как общества конфликта. Подобные же перспективы предполагает и логика конструктивного преодоления проблем формирования нового уровня сложности международного сообщества, в котором множественность культур и форм жизни людей становится общим ресурсом, а не общей проблемой.

Примечания

1. <http://www.dsnews.ua/society/nishchuk-zayavil-o-geneticheskikh-nedostatkah-zhiteley-donbassa-23112016082200> (дата обращения – 20.04.17 г.).
2. http://antikor.com.ua/articles/137456-nishchuk_prav_i_vse_eto_ponimajut (дата обращения – 20.04.17 г.).